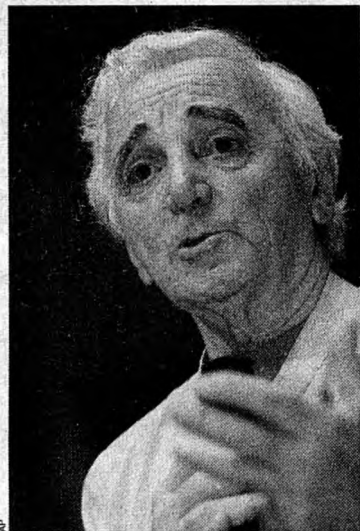

Шарль Азнавур: в нашей семье любили русские имена

Коммунист - 2005 - 5 окт. - с. 21.

концерт шансон

В Государственном Кремлевском дворце дает концерты классик французской эстрадной песни Шарль Азнавур. 81-летний шансонье утверждает, что полон сил, однако неизвестно, когда он соберется на гастроли в следующий раз, и поэтому на московских концертах — полный аншлаг. Маэстро отвлекся от репетиций и общения с поклонниками ради короткого разговора с БОРИСОМ БАРАБАНОВЫМ.

— Ваши родители держали в Париже ресторан, который был очень популярен в среде русских эмигрантов «первой волны». Вы помните их? — Я хорошо помню этих блестящих людей, которые приходили поужинать в ресторан моего дедушки и моего отца. Взять хотя бы Ачо Чахатуни, армянина, актера Тифлисского армянского театра. Он стал

звездой немого кино во Франции, а когда кино заговорило, стал самым знаменитым примером французских студий. Бывал в ресторане и любимчик французских кинозрительниц Иван Мозжухин, писатель и журналист Жозеф Кесель и даже, возможно, бывали Питюевы, сам Жорж, Георгий

Иванович, великий армянский и французский режиссер, и его жена Людмила.

— Сначала вы снискали известность как поэт, а уже потом как певец. Как складываются ваши отношения с поэзией?

— Должен признаться, я никогда не считал себя настоящим поэтом и стихов, как таковых, не писал. Я сразу начал с текстов песен. Среди любимых вещей все больше французская, армянская, классическая иранская поэзия. Еще близка английская и русская поэзия. Да, и, чтобы не забыть, африканская.

— Вы помните свой первый визит в нашу страну?

— Первый приезд в Россию, то есть в тогдашний СССР, состоялся благодаря гастролям, организованным Госконцертом. И в ходе этих гастролей я попал на родину своих предков, под Ереван. Помню, что моя армянская бабушка встретила меня со слезами на глазах и — с песнями.

— Вашему коллеге и соотечественнику Иву Монтану отказывали во въезде в СССР из-за его политических убеждений. У вас не было подобных проблем?

— С визами и прочим у меня всегда все было в порядке. Я не занимался политикой, моя единственная политическая позиция — служить французской песне, то есть, шире, французской культуре.

— Вы решили дать своей дочери русское имя Катя.

— У моего отца было русское имя — Миша. В нашей семье всегда любили русские имена, отсюда — Катя, Николай и Миша.

— Мы могли слышать голос вашей дочери на вашем последнем альбоме «Je voyage», вы довольны тем, как развивается ее карьера?

— Катя любит петь вместе со мной на гастролях. Она никогда не претендовала на сольную карьеру, что не мешает ей участвовать в записях или озвучи-

вать мультфильмы, где она тоже поет. Она любит все виды музыки, но предпочтение, думаю, отдает все-таки песне.

— Вы сейчас не курите, это всем известно, а раньше курили?

— До сорока семи лет смолил по три пачки в день. Считайте, тридцать два года постоянного курения. Я решил бросить, когда понял, что не справляюсь с хроническим бронхитом. День и ночь кашлял. Ну и я сказал всем своим друзьям, всем, с кем я работал, что, если они увидят меня с сигаретой в зубах опять, пусть считают меня последней сволочью. Дома я повсюду разбросал сигареты, и мне пришлось пережить немало трудностей и побороться с собой, чтобы не прослыть сволочью и не врать ни друзьям, ни самому себе.

Отчет о московском концерте Шарля Азнавура читайте в следующем номере „Ъ“.